

Образ жизни как условие психического развития: эволюционный взгляд на проблему

Николай БУКУН
(докт. хаб., проф.),
Людмила АНЦИБОР
(докт., конф.)

Резюме

В данной статье рассматривается проблема исследования психического развития с точки зрения эволюционных процессов образа жизни и проявляемой субъектом активности, обусловленной деятельностью человека, в её взаимосвязи и противопоставлении активности животных. Особое внимание уделено анализу характеристик игровой деятельности. Предмет исследования – образ жизни, обеспечивающий человеку возможности проявления субъектной активности в личностном самоопределении и деятельности.

Выдающимся достижением классика эволюционной биологии А.Н. Северцова является разработка учения о существовании двух различных типов прогресса в эволюции – биологического и морфофизиологического. Биологический прогресс заключается в изменении образа жизни и положения вида животных в биосфере; морфофизиологический прогресс – в изменении строения и функций тела животных. Обоснованно критикуя вульгарный перенос эволюционных биологических закономерностей на историю развития общества, порой игнорируется принципиальное

Abstract

In this article is described the problem of research of the psychological development from the position of the evolutionary processes in lifestyle and manifestations of subjective activism, which is tied with human activity in its connection and contradistinction to animal activism. Particular attention is accorded to analysis of play activity's characteristics. The subject of research is the lifestyle, which provides to human the possibility to manifest subjective activism in personal self-determination and activity.

открытие А.Н. Северцова, допускавшего возможность относительно независимой эволюции **образа жизни**, являющегося системообразующим основанием развития вида, от морфофизиологической эволюции организмов, доминирующей в органическом мире. Образ жизни определяет положение вида в системе биосферы. От образа жизни вида зависит, пойдет ли эволюция по пути ароморфоза, идиоадаптации или регресса. Под ароморфозами А.Н. Северцов понимал прогрессивную эволюцию образа жизни, приводящую к появлению у вида новых качеств, повышающих уровень

жизнедеятельности вида, расширяющих его приспособительные возможности и могут оказаться полезными при критических изменениях среды обитания живых существ [15]. Эти представления созвучны идее Н.И. Вавилова о возникновении в ходе эволюции преадаптаций – тех или иных полезных признаков в эволюционирующей системе еще до того, как они стали для этой системы действительно полезными [4].

Адаптация в узком смысле слова, или идиоадаптация по А.Н. Северцову, предполагает специализацию вида, обеспечивающую наилучшую приспособительность к типичным условиям его существования. Образ жизни вида в данном случае качественно не изменяется. Ароморфоз же может привести к новому образу жизни вида, т.е. повлечь смену системообразующего основания, определяющего основные характеристики данного вида [15].

Согласно К.М. Завадскому, в процессе эволюции формы, ведущие изолированный образ жизни, были потеснены многочисленными формами, ведущими групповой образ жизни, которые в ходе развития осваивали одну экологическую нишу за другой. Но возникает вопрос, какого рода сообщества могут считаться системами, обеспечивающими дальнейшее развитие вида? Одной из таких систем является *синтезогенез* – объединение разрозненных элементов в систему, множество, которое открывает возможность решения задач, не доступных ранее ни одному из составляющих систему элементов. Так, опыты с некоторыми бактериями, которые всегда обитали в средах, где отсутствуют определенные виды углеводов, показали, что при искусственной пересадке их в среды, где непривычные для них углеводы были единственно доступной для

бактерий пищей, они начали вырабатывать фермент для их расщепления. Такой путь развития возможен благодаря тому, что в генную структуру была заложена как бы «на всякий случай» программа, которая в определенных условиях была заблокирована, но при совсем иных условиях среды обитания, когда в этом возникла необходимость, она реализовалась.

С появления многоклеточных организмов естественный отбор в рамках каждого вида был направлен на создание максимальной *наследственной гетерогенности*. За появлением каждого нового вида животных и растений вплотную следовало появление специфически адаптированных к этому виду микробов, грибковых паразитов, ферменты и антигены, которых точно адаптировались к полипептидам и антигенам хозяина. Приспособленность паразита к молекулам хозяина неизбежно вызвала среди особей-хозяев интенсивный отбор на устойчивость к данному паразиту. В значительной мере этот отбор мог вести к исчезновению или замене у хозяина той молекулы, которая необходима паразиту (пример – распространение множества «защитных» эритроцитопатий в малярийных зонах обитания человека).

Этот отбор приводил также к распространению у вида хозяина такой мутации, которая, минимально изменяя структуру той молекулы хозяина, которая необходима паразиту, превращала эту молекулу в антиметаболит, блокирующий паразитарный фермент. Это привело к созданию неисчерпаемых по своей сложности и многочисленности систем «сбалансированного полиморфизма» довольно значительной части генов любого вида животных, в том числе и человека [24].

С человеком как носителем иного качества – единства проявлений природы,

общества и человечества, связано формирование еще более сложной системы. «Вселенная с появлением человечества, – писал С.Л. Рубинштейн, – это осознанная, осмысленная Вселенная, которая изменяется действиями в ней человека... Осознанность и деятельность выступают как новые способы существования в самой Вселенной, а не чуждая ей субъективность моего сознания» [12, с.327.]. Согласно В.И. Вернадскому, духовная творческая работа человека и овеществленные результаты его творческой деятельности определяют духовный облик человечества и формируют *ноосферу* [5]. По Тейяр де Шардену ноосфера есть реализация особой психической (духовной) энергии, которая не является ни изменением формы, ни непосредственным превращением физической энергии [18]. По определению В.Н. Сагагоского [14], ноосфера – это «... такое взаимодействие природы, общества и человеческих индивидуальностей, в котором на основе духовной жизни человека и космоса достигается оптимальная реализация внутренних тенденций сторон их взаимодействия, их коэволюционное развитие, направленное на становление целостности космоса, и развивающаяся гармония этой целостности». Совокупность же этносов с их геобиоценозами, в которой наиболее представлено взаимодействие природы и человечества, формирует по Л.Н. Гумилеву, *этносферу*. Вне определенного этноса не живет ни один человек на Земле. Каждый этнос является, по сути, живой биологической системой и проходит свой жизненный путь – этногенез – от рождения и до смерти. Пусковым механизмом этногенеза является пассионарный толчок [7].

Термин «*пассионарность*» происходит от латинского слова *passio* – претерпевание, страдание, и даже страдательность,

но также страсть, аффект. Пассионарность определяется еще и как биологический признак, т.е. он генетически детерминирован. В результате, в том числе и космических воздействий, возникает пассионарный толчок, который вызывает микромутации в генной системе многих людей [7]. По мнению В.М. Русалова, речь идет в данном случае о важнейшей акцентуации характера, определяющей поведение человека. Два компонента пассионарности – *высокая активность* и *эмоциональность* – являются одновременно и показателями, общепотребительными в большинстве теорий темперамента. Это формально-динамическое психическое свойство, которое может быть соотнесено с современным знанием темперамента [13].

Колебательные процессы в этносфере вызывают для всех этносов принципиально одинаковые по своему характеру неизбежные типы поведения людей. Они влияют не только на организменные, но и на личностные характеристики отдельного человека. Это приводит к повышению политической, военной, административной, культурной, религиозной активности в социумах данной этнической системы. Кумуляция изменений в популяции определенной этнической системы приводит к изменениям в ее состоянии.

Далее включаются особые бифуркационные механизмы, обеспечивающие тенденцию к изменениям развивающейся системы. В отличие от адаптационных механизмов, где можно спрогнозировать будущее поведение системы, в данном случае невозможно предсказать, по какому пути после этого кризиса пойдет дальнейшее развитие системы, какой новый вариант эволюции будет выбран [11]. Его нельзя вывести ни из наследственности, ни из генома и даже из прошлого опыта.

Для гениальности, например, требуется не только огромная наследственная одаренность, но и воспитание в среде, исключительно благоприятной для развития именно данных индивидуальных дарований, а также социальный заказ, или «спрос» на дарование данного типа и отсутствие барьеров для их реализации [25].

Итак, если механизмы адаптации, функционирующие в социальных системах, связаны с обеспечением устойчивости личности, ее типичного предсказуемого поведения в социальной группе, то механизмы бифуркации присущи индивидуальному поведению личности в различных проблемно-конфликтных ситуациях. В тех случаях, когда в обществе наступает переломный момент, незначительные в обычных условиях индивидуальные поступки могут вызвать преобразование общества, стать толчком к возникновению непредсказуемой новой фазы в развитии культуры [2, с.76].

Однако эволюционирующая система не может «дождаться» появления мутации: этот процесс эволюции, является перманентным и универсальным. Какие же процессы способствуют тому, чтобы он был постоянным? Одной из способностей, хорошо согласующейся с понятием пассионарности, является *бриколлаж* (*bricoleurs*) – особая изобретательность, способность находить те или иные решения проблем при отсутствии необходимых или привычных инструментов, материалов и механизмов. Такие люди «выжимают» максимум из всего, что их окружает, придумывая неожиданное применение для знакомых вещей. Когда и где формируется такая способность? Такое возможно благодаря различным видам активности, которая непосредственно не приводит к адаптивным, прагматическим эффектам, удовлетворяющим нужды данных систем

в данный момент, но при этом обеспечивает их сохранность и устойчивость. Ярким примером служит игра. *Игровое поведение* животных называют «избыточным», «мнимым», «действиями вхолостую», «вакуумной активностью» и т.п. Но именно в силу этой особенности игровой активности в ней оттачиваются унаследованные формы поведения, до того как они предстанут перед судом естественного отбора [19].

Дети также из всего, что их окружает, могут сделать все. Однако игровое поведение ребенка еще более сложно и многообразно по сравнению с поведением животного. Так, например, в самом ходе развития движений младенца с момента рождения отмечаются особенности, резко отличающие его от детенышей животных и имеющее большое значение для воспитания. «У большинства животных движения или уже организованы к моменту рождения, или оформляются прежде, чем могут быть образованы какие-либо условные рефлексы с высших воспринимающих систем, органов или анализаторов, т.е. глаза или уха. В то время как у младенца сначала оформляются высшие анализаторы, зрительный и слуховой, – вплоть до их кортикальных отделов – и только после этого начинают развиваться движения» [21, с. 64]. Это дает основание предполагать, что причины и механизмы возникновения игры у ребенка будут существенно иными.

Уже в конце XIX века при описании детской игры психологи обращали внимание на работу детского воображения, или на фантазии. Далее у Дж.Селли уже выделены две основные особенности той игры, которая называется *ролевой* и занимает господствующее положение в дошкольном возрасте [16]. В.Штерн в поисках ответа на вопрос о причинах возникновения игровой деятельности у ребенка, которые

отличают его от игры животных, пишет: «... действительность, окружающая ребенка тесна. Остальная широкая жизнь лишь издали бросает свое отражение на его жизнь. Но воспринимая это отражение, призрачный мир своего фантазирования и игры, он расширяет тем самым свою жизненную сферу. При этом он вводит в свое игрушечное царство не только «предметы внешнего мира... но, и это гораздо важнее, также и людей, роли, которые он берет на себя. Это замена собственной личности личностью другого, хотя она и предъявляет сильнейшие требования к созданию иллюзии, может иногда достичь поразительной интенсивности» [22, с. 152-153]. В этих высказываниях В.Штерна содержится своеобразная концепция возникновения игры и механизмов ее осуществления, которые особенно актуальны в наш век – виртуализации и компьютеризации. Теснота мира, в котором живет ребенок, а сегодня это можно говорить и в отношении взрослого человека, переживаемое ими чувство давления является одной из причин проявления всевозможных тенденций к отходу от этого реального мира в иной мир – иллюзии, игры и великого обмана – различных манипуляций и сценарного поведения. Возможно, именно этот мир взрослых и является для ребенка привлекательным. В то время как для современного взрослого человека, при формировании компьютерной зависимости, истоки такого поведения следует искать в его изоляции, оторванности от природы, «живой жизни» или в нарушении «великой гармонии между душой человека и душой мира».

Другие авторы, например, К.Бюлер, возражали против приписывания игре чрезмерной иллюзорности. В филогенезе он относит возникновение игры к стадии дресуры. Для объяснения игры Бюлер вводит

понятие *функционального удовольствия* и считает, что оно могло появиться впервые на этапе возникновения навыков [3].

В работах Ж.П. Пиаже проблемы психологии детской игры рассматриваются совсем в ином плане и входят органической частью в его теорию развития *интеллекта*. Пиаже считал игру одним из наиболее ярких проявлений эгоцентризма, лежащей между аутистической мыслью самого раннего периода, логической мыслью, развивающейся на основе столкновения с реальностью, и зрелой мыслью окружающих ребенка взрослых. Основная мысль Пиаже заключается в том, что ребенок *ассимилирует* окружающую его действительность в соответствии с законами своего мышления.

Американский психолог Г.С. Салливен указывал на то, что эта модель формируется на основе совместных со сверстниками игр. Хотя, как он считал, ребенок не рождается с определенными социальными чувствами, они формируются у него в первые дни жизни, их развитие связано со стремлением человека к разрядке напряжения, создаваемого его потребностями [цит. по. 26, с. 253].

Уместно вспомнить замечание Э.Клапареда, который писал, что ребенку игра может позволить играть господствующую роль, запрещенную жизнью, и является хорошим примером *аффективной компенсации* [цит. по 23, с.108]. В то время как Эльконин указывает на то, что игра не потому игра, что в ней может проявляться самоутверждение или компенсация, а наоборот, в ней возможно проявление и самоутверждения, и компенсации и т.п., потому что это игра [21].

Салливен считал, что главными, ведущими для всех людей потребностями являются потребности в нежности и

потребность избегания тревоги, которые определяют формирование «Я-системы».

С точки зрения Д.Б. Эльконина, центральным моментом, объединяющим все остальные стороны игры, становится *роль*, которую берет на себя ребенок. Отношения между детьми, возникающие по ходу игры, также определяются ролями [23]. Что же составляет основное содержание ролей, которые берут на себя дети и которые они реализуют посредством игровых действий? Почти все авторы, описывающие или исследовавшие ролевую игру, единодушно отмечают, что на ее сюжеты решающее влияние оказывает *окружающая ребенка действительность*.

Ролевая игра особенно чувствительна к сферам человеческой деятельности, труда и отношений между людьми. Следовательно, основным содержанием роли, которую берет на себя ребенок, становится воспроизведение именно этой стороны действительности. Так как в реальной действительности *конкретная деятельность* людей и их отношения весьма разнообразны, то и сюжеты игр чрезвычайно многообразны и изменчивы. Например, в разные исторические эпохи, в зависимости от социально-исторических, географических и конкретно-бытовых условий жизни, дети играют в свои различные по сюжетам игры. Неодинаковы сюжеты игр (по крайней мере, были таковыми до появления компьютерных игр) у детей разных социальных классов (промышленных рабочих, рыбаков, скотоводов и земледельцев), детей севера и юга, тайги, леса, гор и пустынь. В то же время есть в них и что-то очень важное, что объединяет их.

В 60-х годах прошлого столетия английский фольклорист Айома и Питер Опи опубликовали сразу ставшую знаменитой книгу «Фольклор и язык школьников», а

затем другую – «Детские игры на улице и игровой площадке». Глазам потрясенных исследователей, – как говорит М.Осорина – открылась поразительная по своему богатству и активности *детская культурная традиция* [цит. по 8, с. 46]. Причем традиция эта не является хаотичной, в ней существуют свои законы, правила и нравственные нормы. В детском фольклоре исследователи обнаружили своеобразный *правовой кодекс*, регулирующий формы поведения в сложных, конфликтных ситуациях. Это нормы, закрепленные в традиционных словесных формулах, имеют для детей почти магическую силу. Например, чтобы помириться, надо подать друг другу руки и покачивая ими сказать: “Мирись, мирись, мирись и больше не дерись, а если будешь драться, то я буду кусаться!” После этого рукопожатие разбивается ребром левой ладони и конфликт исчерпан, больше к нему не возвращаются [цит. по 8, с.47].

Следует также отметить, что одним из самых серьезных «преступлений» дети считают попытку вовлечь взрослых в ребячьи проблемы. Так, для предупреждения и коррекции такого «предательского» поведения, существуют целая группа дразнилок против «ябед», «маменькиных сынков», «жадин», «плакс» и «воображух». С их помощью утверждаются нормы *коллективной* жизни детей и пресекается нежелательное для группы поведение, утверждается свой, отличный от мира взрослых, т.е. других, мир и образ жизни. Действенность этого средства превосходит многие методы воспитания, применяемые взрослым воспитателем.

Все эти тексты детского фольклора социально наследуются младшими детьми от старших, и являются, как сказали бы этнографы, трансляторами культурной традиции, а М.Мид [9] называла

это *конфигуративной* культурой, где дети учатся у сверстников. Однако нельзя забывать о значении *постфигуративной* культуры, тысячелетиями сохраняющей свои нормы и обычаи, культуры, когда дети учатся у старших. Истинное образование и формирование зрелой личности возможно лишь тогда, когда программы обучения и воспитания детей наполнены культурными и историческими контекстами и параллелями.

Таким образом, *ролевая игра* является одним из инструментов *социализации*, включая человека в структуру социума и делая его носителем определенных социальных ролей и общественных отношений. Кроме того, она является инструментом процесса *культурации*, формируя человеческую индивидуальность, сочетая, как особенности самой культуры, так и предполагая возможность выбора тех ценностей, которые данный индивид усваивает.

Этим, однако, не исчерпывается значение ролевой игры и культурной детской традиции. Именно в игре, в дворовых «ватагах» ребенок постигает и первые уроки *гендерной идентичности*. Например, социализация мальчиков везде и всюду осуществляется не только по вертикали (взрослые мужчины социализируют мальчиков), но и по горизонтали, ввиду принадлежности мальчиков к группе сверстников. Обобщение этнографических данных по 186 доиндустриальным обществам показало, что группа однополых сверстников играет в жизни мальчиков более значимую роль, чем в жизни девочек [27]. Мальчики раньше девочек отделяются как от родительской семьи, так и от общества взрослых мужчин, кроме того они имеют больше внесемейных обязанностей и в то же время они в большей степени стремятся к «группированию». Отличительной осо-

бенностью мальчишеских групп является их высокая внутригрупповая и межгрупповая *соревновательность*. В этих группах выражена также *иерархическая структура*, и они характеризуются высоким уровнем *дисциплинированности*. Девичьи группы обычно функционируют на основе принятых в данном обществе норм и правил, тогда как юношеские группы открыто конфликтуют со взрослыми. У мальчиков значительно больше отмечено антинормативного поведения. И, что интересно, сами взрослые признают это нормальным.

В науке о поведении животных – этологии, для такого рода поведения (группирования) есть даже специальный термин – так называемое «*клубное поведение*». «Клуб» охватывает один слой социальной структуры животных одного вида. Наиболее распространены клубы неполовозрелых самцов, клубы холостых самцов, но бывают и клубы самцов, занимающих высокий ранг в иерархии. Суть клуба состоит в том, что несколько, а иногда и очень много особей одного ранга собираются вместе и на время сборища уединяются от других членов животного сообщества [цит. по 8, с.91]. В клубе они ничего полезного не делают (разве что чистятся, притом у некоторых видов, в том числе у многих обезьян, взаимно), отдыхают, играют либо общаются (каждый вид, как умеет), либо просто чинно сидят. В городах можно наблюдать клубы воробьев, слетающих временами в куст и то оживленно чирикающих, то резко замолкающих. Также существуют клубы ворон, они располагаются на деревьях в парке, тоже шумные, но более степенные по сравнению с воробьиными стайками, а кое-где наблюдаются и клубы чаек, расположенные прямо на голой земле или отмели, и т.д.

У подростков также существуют свои клубы, где у них также нет определенной

цели, и они ничего определенного не хотят от взрослых. Единственно, и это главное, – это чтобы их оставили в покое. Нет там и иерархии, нет также лидеров – только круг «своих» и места сборищ. У подростков клуб, например, прекрасно сочетается с музыкой, и можно даже устроить «пошумелки». Однако порой от них же исходят и угрозы, иногда эти клубы могут становиться реально антиобщественными.

В поисках ответа на вопрос, почему это происходит, исследователь В.Дольник, объясняет это следующим образом. Когда в социальной группе животных, этой глубочайшей ритуализированной и канонизированной инстинктивными программами системе, родится детеныш, он сразу встраивается в нее на заранее отведенное ему место. Он растет, развивается и ведет себя согласно заложенным в нем программам, а члены общества реагируют на него уже по своим врожденным программам. Программы взаимно притерты естественным отбором на весь период детства. Но с половым созреванием взаимные программы детского периода заканчиваются. Родитель, вчера еще такой добрый и терпеливый, теперь при малейшем проявлении фамильярности показывает зубы, также достается им и от других взрослых особей. То сообщество, каким видел его детеныш изнутри, для него как бы прекращает существовать, дверь в него захлопнулась. На данном этапе молодым животным предстоит встраиваться в систему взрослых отношений, в которых для начала им отведен самый низкий ранг. Более того, система может в них пока не нуждаться, и их будут изгонять – в одних случаях решительно, в других – только демонстративно. Кому-то может повести: одна взрослая особь погибла, кто-то занял её место, освободив другое, которое тоже заняли, но внизу

пирамиды освободилось место, которое и заняла молодая особь. Остальным особям не так повезло. На этот случай есть еще одна программа – *расселение*. Молодые нерешительные животные уходят искать новые территории поодиночке, а затем объединяются в группы [цит. по 8, с.93].

Сплоченность группы, как известно, снимает нерешительность – вместе не так страшно. Внутри группы устанавливается иерархия доминирования и подчинения, часто даже в ужесточенной форме. Именно такие группы этологи называют «бандами». При встрече с бандой любое животное охватывает инстинктивная тревога, так как они (особи банды) обязательно попытаются отнять все, что есть, а если окажется, что нечего – придут в ярость и набросятся. Люди также унаследовали этот инстинкт, и при встрече с любой плотной группой молодых парней у человека инстинктивно повышается тревога.

В современном обществе программа расселения вполне удовлетворяется игровой формой образования группы на основе соподчинения. В этом игровом формировании у подростка складываются навыки социального взаимодействия: либо беспрекословное подчинение, безрассудная преданность, либо беспощадность суда «своих», сила власти, услужливость и лесть. Но кроме программы расселения есть и другая программа – остаться и *встроиться* в общество взрослых. Как именно это произойдет? У одних за счет достижений в различных областях – в спорте, на конкурсах вокалистов, олимпиадах и т.д., а те, кому это не удастся, попытаются выделиться как-то иначе: например – вызывающим внешним видом или шокирующим поведением, а также сленгом и др.

Считается, что по стилю речи человека можно определить и стиль его жизни.

В.И. Аннушкин по этому поводу пишет: «как говорим, так и живем». И далее продолжает: «Многие благие намерения современного общества испорчены безнравственностью идей и безвкусицей слова» [1]. «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем...», - писал И.И. Срезнецкий [17]. Не случайно, наверное «уныние, которое прочитывается в глазах очень многих наших современников, вытекает из *стиля* современной общественной речи, либо нарочито примитивной, либо агрессивно настроенной, либо направленной на пагубные страсти и развлечения». В завершение автор призывает: «смените стиль мысли и речи – и изменится состояние духа!» [1]. Но, как известно, изменение стиля требует «серьезного духовного настроя, решительной организации, творческого умения и знания словесных наук», и здесь надо приложить дополнительные усилия, потрудиться. Таким образом, любое жизненное событие, воплощенное в слове, способствует адекватному выстраиванию границ собственного психологического пространства и приводит либо к разрушению мира человека, либо к расширению сознания. Переживание полноты и насыщенности жизни, реализация себя в пространстве окружающего мира дает возможность говорить об «авторстве собственной жизни», самодетерминации и самореализации личности.

В последнее время, при анализе поведения человека в трудных жизненных ситуациях сопутствующих тому или иному образу жизни, которую ведет человек, психологи чаще обращаются к рассмотрению такого уровня трансформации личности, как *трансадаптация*. **Трансадаптация** – это состояние, в котором человек выходит за пределы адаптации, созидая, конструируя новую реальность, становится не

только актором собственной жизни, но и создает условия и возможности для самореализации другому человеку.

Одной из форм общественного сознания, вытекающей из определенного жизнеустройства людей и в то же время формирующей тот или иной образ жизни человека, является *мораль*, которая выступает также и как социальный институт, выполняющий функцию регулирования поведения людей во всех без исключения областях общественной жизни. От других форм регулирования массовой деятельности (право, производственно-административный распорядок, государственные декреты, народные традиции и т. п.) мораль отличается способом обоснования и осуществления своих требований.

В морали выражается общественная необходимость, потребности, интересы общества или классов в виде стихийно сформировавшихся и общепризнанных предписаний и оценок, подкрепленных силой массового примера, а также привычки, обычаи, общественное мнение. Поэтому требования морали принимают форму безличного *долженствования*, равно обращенного ко всем, но ни от кого не исходящего повеления. Эти требования имеют относительно устойчивый характер. Они отличаются от простого обычая или традиции, поддерживаемые силой устоявшегося порядка, тем, что получают идейное обоснование в виде представлений о том, *как подобает* человеку жить и поступать.

Будучи сложным общественным образованием, мораль включает моральную деятельность с точки зрения её содержания и мотивации (то, как принято поступать в том или ином обществе, образцы поведения множества людей, нравы); моральные отношения, регулирующие эту деятельность, проявляющиеся в различных

формах долженствования, требований к человеку (долг, ответственность, совесть); моральное сознание, отражающее эти отношения в виде соответствующих представлений (нормы, принципы, общественный и моральный идеалы, понятия добра и зла, справедливости и несправедливости). Все эти формы морального сознания объединены в логически упорядоченную систему, позволяющую не только предписывать, но и определенным образом мотивировать, оценивать моральные действия [20].

«**Образ жизни**» не только создает условия для проявления определенных паттернов поведения, но и формирует такие свойства личности, которые обеспечивают реальные возможности для их осуществления. Однако при изучении проблемы образа жизни необходимо также учитывать тот факт, что внешнее описание образа жизни, его элементов схватывает лишь статическое состояние. Такое описание бывает продуктивным только при относительно устойчивом его функционировании, что ни в коей мере нельзя сказать об устройстве психологического объекта. Основной характеристикой человека, как известно, является его *субъективная* реальность, которая проявляется как форма бытия человека, практического отношения к миру, как способность превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования. Социальная среда-культура, также писал еще Л.С. Выготский, – это не условие, или один из факторов развития, а *источник* психического развития. Превращение натуральных форм поведения в культурные формы не происходит естественным, эволюционным путем органического созревания: становление собственно человеческих форм поведения возможно лишь

в условиях *взаимодействия* индивида с идеальными формами в конкретных общественно-исторических условиях его жизни [6].

При изучении проблемы влияния образа жизни на формирование устройства психологического объекта, необходимо учитывать тот факт, что субъект не только действует, преобразуя предмет в соответствии со своей целью, и выступая в разном качестве, но при этом изменяются и объект, и субъект. Человек парадоксальным образом не только противостоит как нечто внешнее объективным обстоятельствам своей жизни, всего её уклада, но и сам является их внутренним условием. Субъект не только пассивно фиксирует, понимает природные и социальные ситуации обыденной жизни, но и пытается активно воздействовать на них, формировать такие условия для своей жизни, вести тот образ жизни, который, как он предполагает, будет в максимальной мере способствовать его развитию и самоопределению. Предельно обобщая, можно говорить о повышении **качества жизни** человека вследствие чего он преобразует не только мир, но и себя в мире. Однако это возможно лишь в том случае, если человек стремится выйти за пределы непосредственных связей.

С разрывом непосредственных связей связано ценностное осмысление жизни, становление нравственного сознания, регуляция социальных отношений, приобщение и сопричастность к универсальному бытию. В таком случае субъект как целостная реальность ориентирован на такие ценности, как *свобода, духовность, нравственность, гуманизм*, которые не противопоставляют его другому человеку, а наоборот, объединяют его с другими людьми, порой такими разными и в то же время такими похожими на него самого.

Использованная литература:

1. Аннушкин В.И. Как говорим, так и живем. // Глинские чтения (июль-август), 2007.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: Учебник. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 367 с.
3. Бюлер К. Духовное развитие ребенка. /Пер. с нем. — М., 1924.
4. Вавилов Н. И. Теоретические основы селекции. — М.: Наука, 1987. — 510 с.
5. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. — М.: Наука, 1965.
6. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. — М., 1960.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., Гидрометео-издат, 1990.
8. Как построить свое «я». /Под ред. В.П.Зинченко. — М.: Педагогика, с.91.
9. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями //Мид М. Культура и мир детства. — М., 1988, с. 322-341.
10. Пиаже Ж. Психология интеллекта.// Жан Пиаже. Избранные труды. /Пер. с франц. — М., 1969.
11. Пригожин И., Стенгер И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М., 1986.
12. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. — М., 1976.
13. Русалов В.М. О природе темперамента и его месте в структуре индивидуальных свойств человека.// Вопросы психологии, 1985, № 1, с. 19-32.
14. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? — СПб., 1994.
15. Северцов А.Н. Главные направления эволюционного процесса. — М., 1967.
16. Селли Джемс. Очерки по психологии детства. /Пер. с англ. — М., 1901.
17. Срезнецкий И.И. Современная славистика: наука и образование //Сб. научн. тр. (по материалам Международной научно-практической конференции «Славянские языки, письменность и культура», 27-29 мая 2002 г.). — Рязань, 2002.
18. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М.: Главная редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука», 1987. — 240 с.
19. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. — М., 1976.
20. Философский словарь. /Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. — М.: Политиздат, 1981.
21. Шелованов Н.М., Аксарина Н.М. Воспитание детей раннего возраста в детских учреждениях. Изд. 3-е. — М., 1935.
22. Штерн (Стерн) Вильям. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. /Пер. с нем. — Пг., 1922.
23. Эльконин Д.Б. Психология игры. — М.: Педагогика, 1978.
24. Эфроимсон В.П. Иммуногенетика. — М.: Медицина, 1971.
25. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. Изд. 3-е. — М.: Тайдекс Ко, 2004. — 376 с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»).
26. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. — М.: Издательский центр «Академия», 1997.
27. Schleger. Barry. Fdolescent initiation ceremonies: Cross-cultural codes //Ethnology, 1979, vol. 18, p. 199-210.

Recenzent: Virginia Rusnac, doctor în psihologie, profesor cercetător, IȘE